

11-ой 29 декабря 1940г

О режиссерской аренде и судьбе театра

Немного, пожалуй, осталось театральных старожилов, которые помнят те далекие времена, когда спектакли режиссера Ф. Каверина всерьез волновали московского зрителя.

Вот уже лет семь, как с унылой фатальностью одна за другой проваливаются все его постановки. Вспомним, например, спектакли «Манчжурия—Рига», «Осторожно — окрашено», «По ту сторону сердца», «Дума о Британке» и, наконец, венец пошлости — предсловную «Тайну». На Московский Драматический театр стали смотреть, как на глубокую провинцию, случайно затесавшуюся в один из переулков шумной Сретенки.

Правда, в прошлом сезоне блеснул было луч надежды. Главный режиссер Туманов мастерски поставил пьесу Фатиева «Горцы». Но Ф. Каверин принадлежит к тем художественным ревнивам, которые не терпят чужого (особенно, удачного) творчества.

Вскоре главный режиссер был приглашен в кабинет художественного руководителя. Каверин встретил его такими словами:

— Так вот, Иосиф Михайлович, управление развязало мне руки... Я буду опять строить свой театр... Вы меня понимаете?

— Отлично понимаю!

Каверин поднялся.

— Ну что ж, хорошо... Значит... гм... я слышал, вас приглашают в театр Станиславского?

— Именно.

— Прекрасно... Лично я возражать не буду... Нам трудно сработаться...

И Туманов перешел в другой театр.

Искусством выживания Каверин владеет в совершенстве. Значительно менее он одарен искусством воспитания. За пятнадцать лет художественного руководства около него не вырос ни один режиссер. Зато актеры уходили толпами. Каверину нужны были не равноправные товарищи по советскому коллективу, имеющие свой вкус и мнение, а безгласные поклонники.

Ушли заслуженные артисты Половкова и Свободин, ушел Оленин, ушел Оленев, ушли Савельев, Зиновьев, Неронов, Зайцев и другие.

Каждое критическое слово, сказанное в театре, воспринималось, как «травля художественного руководства». Многочисленные выступления в печати обяснялись мифическими происками мифических врагов и завистников.

Наконец, Каверин решил разделаться сразу со всей внутренней «оппозицией», т. е. с теми товарищами, которые всерьез были озабочены своей тусклой театральной судьбой. За день до отпуска он уволил 10 человек, среди которых было 6 ведущих артистов бывшего Московского Рабочего Художественного театра (МРХТ).

Я был в народном суде Дзержинского района, где разбирался иск одной из уволенных артисток. В зале собралось много театральных работников. Дело явно переросло рамки обычной трудовой тяжбы. Речь шла о том, что художественный руководитель Ф. Каверин рассматривает Московский Драматический театр, как некое государственное предприятие, отданное ему в бессрочную режиссерскую аренду.

Он так и заявил суду:

— Мария Семеновна — хорошая актриса, но мне она не нужна. Не мешайте мне строить свой театр...

А его простоватый и болтливый директор Филатов совсем разоткровенничался.

— Что вы хотите, товарищи, — говорил он, разводя руками, — если бы худруком назначили Туманова, я уволил бы всех каверинцев. А так как у нас остался Федор Николаевич, то я должен убрать всех тумановцев.

Эта нехитрая административная расправа казалась директору «укреплением» каких-то принципиальных художественных позиций.

Одно время у нас в большом ходу были этикие комнатные гении, каждый из которых воображал, что именно он перевернул новую страницу в истории театра. Каверину тоже кажется, что он перевернул бы, по крайней мере, страничку пять этой истории, если бы ему не мешали. Стоя у судейского стола и настаивая на увольнении мрхатовцев, он говорил:

— А тогда мы покажем, что мы можем сделать...

Сколько раз мы это слышали! Сколько раз уже поднимался на трибуну Федор Николаевич Каверин, чтобы пожаловаться очередной аудитории на некие неведомые темные силы, мешающие ему вести свой театр по собственному, неповторимому пути!

Советский театр может процветать только в условиях коллективного творчества. Художественный руководитель имеет право на свой стиль, на свой художественный вкус, на свою творческую манеру, на свои режиссерские привязанности. Но он не безгрешный набоб. Чем больше самомнения, тем меньше успеха. Этих банальных истин Ф. Каверин никогда не понимал, не понимает и понимать не хочет.

Чего стоит только одна программка, выпущенная театром во время прошлогодних гастролей в Иванове! Это — какое-то безобразное ожерелье из безвкусных комплиментов.

Читаем:

— У каверинского театра совершенно своеобразное творческое лицо...

Ниже:

— Каверинский театр является очень своеобразным по репертуару: в подборе его отчетливо видны смелость, дерзание и хороший режиссерский вкус...

Еще ниже:

— Каверинский коллектив завоевал горячие симпатии московского зрителя и вписал в свою историю лучшие странички...

И, наконец:

— Сам художественный руководитель Каверин за эти годы вырос в своеобразного, оригинального художника с собственным творческим лицом; его имя стоит в числе имен наиболее сильных режиссеров страны...

Эта грубая лезть стекла с бесстыдного пера заведующего литературной частью театра. Оставим же на его совести и «горячие симпатии московского зрителя», и репертуарные «дерзания» («Тайна», например), и то место, где сейчас «стоит» Каверин с его «собственным творческим лицом».

Важнее иное. Обратите внимание, с какой настойчивостью приколачивают гербы Каверина ко всем подездам театра. Не просто Московский Драматический, а именно «Каверинский». Не просто коллектив артистов, а «каверинский коллектив». Даже отдельные ведущие артисты интересны не своими талантами, а тем, что они — «актеры-каверинцы».

Не оттого ли все беды Каверина, что он смотрит на свою особу сквозь увеличительное стекло?!

Недавно в Московском Драматическом театре состоялась премьера пьесы М. Горького «На дне». Не успел еще опуститься занавес после первого представления, не успели еще зрители и критики выразить по сему случаю свое мнение, как первым пришел в восторг сам директор театра т. Филатов.

28 ноября появилось специальное распоряжение:

— Талантливый коллектив нашего театра, — писал директор, — во главе с дерзновенно-смелым, любимым всеми нами Федором Николаевичем Кавериным сумел своим почерком по-новому прочесть и заставить прозвучать величайшие идеи гуманизма и человечества — великого пролетарского писателя А. М. Горького...

Это уже не гастрольная программа, а официальный документ театра. К стати сказать, спектакль, по поводу которого так бахвалится т. Филатов, в лучшем случае должен быть признан неверным, так как он превращает классическую пьесу Максима Горького в мелодраму с танцами.

Начальник Московского управления по делам искусств т. Фрумкин прекрасно осведомлен о положении театра на Сретенке. Он сочувственно выслушивал всех артистов, приходивших с жалобами, и сокрушенно качал головой. Но дальше сокрушенного качания начальнической головы дело не шло. Между тем наступило уже время для более активного вмешательства в дела «каверинского» театра.

Евг. БЕРМОНТ.